

Суд фараонов

Автор:

[Генри Хаггард](#)

Суд фараонов

Генри Райдер Хаггард

«Ученые, – или, по крайней мере, некоторые из них, так как не все ученые единокоренны, – убеждены, будто они знают все, что следует знать о человеке, включая, разумеется, и женщину. Они проследили его происхождение, показали нам, как изменились его кости и форма тела, как под влиянием потребностей и страстей постепенно развивался его ум, вначале стоявший на очень низкой ступени. И в заключение они наглядно доказали, что в человеке нет ничего такого, чего нельзя было бы объяснить на анатомическом столе, что его упования на загробную жизнь коренятся в страхе смерти или, как говорят другие, в боязни грозы и землетрясения; что его связь с прошлым – просто-напросто унаследованная память о дальних предках, живших в этом прошлом, может быть, миллионы лет назад, и все, что есть в нем благородного, только лак, нанесенный на него цивилизацией, а все дурное и низкое должно быть приписано заложенным в нем первобытным инстинктам. Одним словом, по мнению ученых, человек – животное, которое, как и все прочие, всецело зависит от той среды, где он живет, и даже окраску свою принимает от нее. Это – факты, говорят ученые (или, по крайней мере, некоторые из них), а остальное – ерунда...»

Генри Райдер Хаггард

Суд фараонов

Глава I

Ученые, – или, по крайней мере, некоторые из них, так как не все ученые единодушны, – убеждены, будто они знают все, что следует знать о человеке, включая, разумеется, и женщину. Они проследили его происхождение, показали нам, как изменились его кости и форма тела, как под влиянием потребностей и страстей постепенно развивался его ум, вначале стоявший на очень низкой ступени. И в заключение они наглядно доказали, что в человеке нет ничего такого, чего нельзя было бы объяснить на анатомическом столе, что его упования на загробную жизнь коренятся в страхе смерти или, как говорят другие, в боязни грозы и землетрясения; что его связь с прошлым – просто-напросто унаследованная память о дальних предках, живших в этом прошлом, может быть, миллионы лет назад, и все, что есть в нем благородного, только лак, нанесенный на него цивилизацией, а все дурное и низкое должно быть приписано заложенным в нем первобытным инстинктам. Одним словом, по мнению ученых, человек – животное, которое, как и все прочие, всецело зависит от той среды, где он живет, и даже окраску свою принимает от нее. Это – факты, говорят ученые (или, по крайней мере, некоторые из них), а остальное – ерунда.

Временами мы склонны соглашаться с этими мудрецами, особенно после того, как прослушаем у кого-нибудь из них курс лекций. А затем может случиться, что виденное или испытанное лично нами заставит нас снова задуматься и пробудит в нас прежние сомнения, божественные сомнения, и с ними еще более сладкую надежду на то, что, кроме этой, есть иная жизнь.

А вдруг, думается нам, человек все-таки больше, чем животное? А может быть, он помнит самое отдаленное прошлое и способен заглядывать в будущее, не менее далекое? Может быть, это не мечта, а правда, и он действительно обладает бессмертной душой, способной проявиться в той или иной форме; и душа эта может спать века, но, несмотря на то, спит она или бодрствует, она остается сама собой, неизменной и неразрушимой.

Один случай из жизни мистера Джеймса Эбенезера Смита мог бы многих навести на такие размышления, будь этот случай им знаком во всех

подробностях, чего, однако, насколько мне известно, не произошло. Ибо мистер Смит был из тех людей, которые умеют молчать. И все же, несомненно, случай этот заставил крепко призадуматься одного человека – именно того, с кем он приключился. Джеймс Эбенезер Смит и до сих пор все думает о нем и не может себе толком объяснить его.

Дж. Э. Смит родился в почтенной семье и получил хорошее воспитание. Он был недурен собой и в колледже считался подающим надежды юношей, но, прежде чем он получил диплом, с ним случилась неприятность, о которой здесь незачем распространяться, и он был выброшен, так сказать, на мостовую, без друзей и без гроша в кармане. То есть нельзя сказать, чтобы уж вовсе без друзей, так как у него был крестный, коммерсант, в честь которого его и называли Эбенезером. К нему-то и обратился Смит, чувствуя, что тот обязан как-нибудь вознаградить его за то ужасное имя, которым его наделили при крещении.

До известной степени Эбенезер-старший признавал это обстоятельство. Никакого геройского подвига он не совершил, но все же нашел своему крестнику местечко клерка в банке, где был одним из директоров, – скромное место писца, не более. И еще, когда год спустя он умер, крестнику осталось от него сто фунтов, как говорится, на траурное кольцо.

Смит, человек практичный, вместо того чтобы купить это кольцо, совсем ему не нужное, вложил сто фунтов в рискованную, но многообещающую биржевую спекуляцию. Случилось так, что действия его были верны – он не прогадал и вместо одного таланта получил обратно десять. Он повторил опыт, и опять-таки успешно, так как по своему положению он мог иметь сведения из первоисточника. К тридцати годам Смит оказался обладателем целого состояния в двадцать пять с лишним тысяч фунтов. И тогда (это свидетельствует о том, каким он был умным и практичным человеком) перестал спекулировать, поместив свои деньги так, чтоб они давали ему, при полной безопасности капитала, верных четыре процента годовых.

К этому времени Смит уже значительно преуспел на службе, правда он и сейчас оставался клерком, но уже с жалованьем в четыреста фунтов в год и с надеждами на повышение оклада. Короче говоря, положение его было таково, что он мог бы и жениться, если бы только пожелал. Но случилось так, что он не захотел – может быть, потому, что, за неимением друзей и знакомств, не встретил на своем жизненном пути ни одной женщины, которая бы ему понравилась, а может быть, и по другой причине.

Застенчивый и сдержанный, он не доверял людям и никому о себе не рассказывал. Никто, даже его начальство в банке, не подозревали, что он человек со средствами; никто у него не бывал – знали только, что он живет где-то возле Путной; он не был членом ни одного клуба и не имел ни одного близкого приятеля. Удар, нанесенный ему жизнью в ранней юности, грубое обращение и щелчки, испытанные им однажды, так глубоко запали в его чувствительную душу, что он никогда уже больше не искал близости с себе подобными. Еще молодой годами, он, в сущности, жил совсем, как старый холостяк.

Вскоре, однако, Смит заметил, – это было после того, как он перестал играть на бирже, – что так, как он живет, жить скучно, что надо найти применение своим способностям. Он попробовал было заняться благотворительностью, но убедился, что человек с чувствительной душой не годится для предприятия, которое чаще всего сводится к самому бесцеремонному вмешательству в чужие дела. Поэтому, хоть и не без борьбы, он бросил это занятие, успокоив свою совесть тем, что передал часть своего капитала, и не малую, на благотворительные цели и на раздачу бедным, нуждающимся в помощи, пожелав остаться неизвестным.

Все еще не зная, куда приткнуться себя, Смит однажды, после закрытия банка, зашел в Британский музей, не столько ради самого музея, сколько для того, чтобы укрыться от дождя. Бродя наугад по залам, он очутился в огромной галерее, отведенной египетской живописи и скульптуре. В первый момент он был изумлен и озадачен, так как понятия не имел о египтологии; ему стало даже немного жутко. Наверное, это был великий народ, подумал он, если сумел создать такие грандиозные произведения. И с этой мыслью у него появилось желание ближе познакомиться с египетским народом, больше узнать о нем. Он уже собирался уходить, когда взгляд его случайно остановился на гипсовом слепке головки женщины, висевшем на стене.

Смит посмотрел на нее в другой раз, в третий, и с третьего взгляда влюбился. Нечего и говорить, что сам он не подозревал об этом. Он знал только, что с ним произошла какая-то перемена, и он не мог забыть лица случайно виденной гипсовой головки. Пожалуй, оно даже и не было по-настоящему красиво, за исключением удивительной мистической улыбки; пожалуй, и губы были слишком толсты, а ноздри чересчур раздуты. Но для него это лицо было сама Красота – красота, которая притягивала его к себе как магнит и будила удивительные фантазии, порой такие странные и нежные, какими бывают только

воспоминания. Он, не отрываясь, смотрел на каменную маску, которая нежно улыбалась ему в ответ. Более тридцати столетий улыбалась маска небытию в какой-нибудь гробнице или потайной нише, как когда-то улыбалась миру женщина, портретом которой она была.

В галерею вкатился шариком коротенький, толстый господин и властным тоном начал отдавать приказы рабочим, снимавшим с пьедестала соседнюю статую. Смиту пришло на ум, что этому господину тут должно быть все известно. С усилием победив свою врожденную застенчивость, он приподнял шляпу и обратился к нему с вопросом, не может ли тот сказать, с кого снята эта гипсовая маска.

Толстый господин, – как оказалось потом, заведующий музеем, – взглянул на Смита и, убедившись, что он непритворно заинтересован, ответил:

– Не знаю. И никто не знает. У нее есть несколько имен, но в подлинности их я не уверен. Может быть, когда-нибудь найдут туловище этой статуи – тогда мы узнаем, конечно, если под ней есть надпись. Всего вероятнее, однако, что оно давным-давно пошло на известку.

– Так что вы ничего не можете мне сообщить о ней?

– Весьма немного. Прежде всего, это копия. Оригинал находится в Каирском музее. Головку эту, если не ошибаюсь, нашел Мариетт и назвал ее по-своему. По всей вероятности, обладательница ее была царицей восемнадцатой династии, судя по работе. Вы сами видите – о царственном сане ее достаточно свидетельствует сломанный уреус. Поезжайте в Египет, если хотите изучить этот маленький шедевр в оригинале. Чудесная вещица – одна из самых красивых головок, какие были найдены в Египте. Ну, мне пора. Прощайте.

И он мелкими шажками побежал по длинной галерее.

Смит не знал, что такое уреус[1 - Корона из золотых змей, надевавшаяся царями древнего Египта.], но не решился задержать заведующего расспросами. Он поднялся на второй этаж и начал разглядывать мумии и украшения. Ему как-то обидно было думать, что обладательница этой прелестной, манящей к себе головки давным-давно, еще до наступления христианской веры, была уже мумией.

Он вернулся в скульптурную галерею и любовался гипсовой головкой до тех пор, пока один из рабочих не сказал товарищу, что не мешало бы этому господину для разнообразия посмотреть на живую женщину.

Смит сконфузился и ушел.

По пути домой он зашел в книжный магазин и велел прислать все лучшее, что написано о Египте. Когда два дня спустя в комнату его внесли огромный ящик и с ним счет на тридцать восемь фунтов, он был несколько раздосадован. Однако добросовестно прочел все эти книги и за три месяца весьма недурно изучил древний Египет и даже стал немного разбираться в иероглифах.

В январе, то есть на исходе этих трех месяцев, Смит удивил дирекцию прошением об отпуске на два с половиной месяца – до сих пор он довольствовался двумя неделями отдыха в год. На их расспросы он ответил, что у него запущенный бронхит и что доктора советуют ему пожить в Египте.

– Превосходный совет, – сказал директор, – но я боюсь, что это будет вам не по карману. Там, в Египте, человека норовят ободрать как липку.

– Я знаю, – был ответ, – но у меня есть кое-какие сбережения, а мне ведь, кроме себя, тратить больше не на кого.

Таким образом, Смит попал в Египет и увидел оригинал восхитившей его головки и тысячу других, не менее очаровательных. Но этим он не ограничился. Присоединившись к группе египтологов, производивших раскопки вблизи древних Фив, – те, разумеется, только обрадовались участию интеллигента, – он целый месяц вместе с ними усердно копал, но ничего особенно не нашел.

Лишь года два спустя он сделал свое великое открытие, известное под именем гробницы Смита. Здесь нужно заметить, что состояние его здоровья настолько ухудшилось, что требовало ежегодных поездок в Египет, так, по крайней мере, полагали директора банка. А так как Смит не требовал летнего отпуска и всегда готов был поработать за товарища или сверхурочно, то в отпуске ему не отказывали, и каждую зиму он отправлялся на восток.

В эту третью свою поездку в Египет Смит добился от директора музея древностей в Каире разрешения производить раскопки на свой страх и риск за свой счет. Разрешение это было дано на обычных условиях, а именно: что отдел древностей вправе будет взять из найденных им предметов любые, а при желании – и все.

Устроив все это, Смит провел несколько дней в Каирском музее и ночным поездом выехал в Люксор, где его уже дожидался подрядчик, бывший переводчик Магомет, с нанятыми им рабочими – феллахами. Их было всего сорок человек, так как раскопки предполагалось вести в ограниченном масштабе. Смит ассигновал на эту затею не более трехсот фунтов, а на эти деньги в Египте не разгуляешься.

В прошлый свой приезд Смит уже наметил место для раскопок – дикое, запущенное кладбище близ храма Медянет – Хабу, известное под именем Долины Цариц в старых Фивах. Здесь, отдаленные от усыпальниц их царственных супругов промежуточным холмом, были преданы земле несколько величайших цариц Египта: их-то могилы и хотелось обследовать Смиту. Он знал, что некоторые из них еще не открыты. Говорят, счастье благоприятствует смелому. Кто знает? Может быть, ему и посчастливится найти могилу неведомой красавицы-царицы, лицо которой неотступно стояло перед ним уже три года.

Около месяца его рабочие копали, ничего не находя. Выбранное Смитом место действительно оказалось входом в гробницу. Но это выяснилось лишь через двадцать пять дней. Войдя в пещеру, Смит был разочарован. Или царица, найдя себе здесь успокоение, умерла очень молодой, и ее не постеснялись похоронить где попало; или же это только преддверие, а не сама гробница, или, наконец, стены оказались непригодными для скульптурных изображений, какие обыкновенно находят в египетских усыпальницах.

Смит все-таки решил продолжать раскопки, роя пробные ямы и траншеи в различных местах, но по-прежнему ничего не находя. Две трети времени и денег, которыми он располагал, были уже затрачены напрасно, прежде чем счастье улыбнулось ему.

Однажды, под вечер, возвращаясь домой после бесплодно проведенного рабочего дня, он приметил небольшую вади, или пещеру на склоне холма, полузасыпанную камнем и песком. Такие пещеры здесь встречались на каждом шагу, и эта не сулила ничего большего, чем другие, уже исследованные. Однако

почему-то именно эта пещера привлекла внимание Смита. Он уныло прошел мимо нее, но потом вернулся.

– Вы куда, сэр? – спросил Магомет.

Смит указал рукой на пещеру.

– Напрасно, сэр. Здесь нет гробницы. Эта пещера расположена слишком близко к вершине. И воды в ней очень много, а мертвые царицы любят лежать на сухом месте.

Но Смит все-таки пошел, и рабочие покорно побрели за ним.

Он исследовал утес. На камне не было следов какого бы то ни было орудия. Рабочие уже повернулись, чтобы уйти, но Смит, повинувшись тому же странному инстинкту, который привел его к этому месту, взял у одного из них лопату и начал раскапывать песок, прикрывавший каменную основу утеса, ибо здесь почему-то не было ни валунов, ни мусора, как в других местах. Видя, что хозяин сам взялся за работу, феллахи тоже стали копать и минут двадцать, если не больше, усердно отбрасывали лопатами песок, больше в угоду ему, так как все были уверены, что могилы здесь быть не может. Когда они дорылись до глубины шести футов, а камень имел все тот же девственный, нетронутый вид, Смит, наконец, сам велел им бросить работу.

С возгласом досады, в последний раз вонзил он заступ в песок и вдруг наткнулся на что-то твердое. Смит разгреб песок – обнаружился округленный край чего-то, по-видимому, карниза. Он позвал уже уходивших рабочих, молча указал им на выступ, и они, также молча, снова принялись за работу. Через пять минут уже было ясно, что это действительно карниз, а через полчаса откопали и верхнюю часть двери, ведущей в гробницу.

– Старые люди ее закладывали, – молвил Магомет, указывая на плоские камни, которыми была заложена дверь, скрепленные илом вместо извести, и на смутный отпечаток на засохшем иле изображений священных скарабеев на печатях чиновников, в обязанности которых входило опечатывать места последнего успокоения царственных особ.

– Может быть, там царица и не тронута, – продолжал он, не получив ответа на свои слова.

– Может быть, – коротко молвил Смит. – А ты копай-ка лучше. Не трать времени на разговоры.

И снова все усердно принялись за работу, пока не наткнулись на нечто такое, от чего Смит застонал. В каменной кладке, прикрывшей дверь, оказалось дыра – покой гробницы был нарушен. Магомет тоже увидел это и опытным глазом исследовал верхушку отверстия.

– Вор очень давний, – решил он. – Смотри. Хотел опять выстроить стену, но убежал, не окончив работу. – Он указал на несколько плоских камней, кое-как положенных обратно на место и не скрепленных цементом.

– Копай, копай, – приказал Смит.

Десять минут спустя отверстие показалось полностью. Оно было едва достаточно, чтобы человек мог пролезть в него.

Солнце садилось быстро, словно катилось вниз по небу. Еще минуту назад оно было позади копающих, над крутыми гребнями западных холмов, а теперь уже собиралось скрыться за их вершинами. А еще через минуту скрылось. И только одно мгновение зеленая искорка горела на том месте, где только что было солнце. Потом и она погасла, и на землю разом спустилась египетская ночь. Феллахи о чем-то перешептывались между собой; двое под каким-то предлогом ушли; остальные сложили свой инструмент и повернулись к Смицу, вопросительно глядя на него.

– Люди говорят, что не хотят дольше здесь оставаться. Боятся привидений. В этих гробницах живут ифриты – злые духи. Завтра, когда будет светло, рабочие придут закончить работу. Глупые, известно, что же спрашивать с простых феллахов, – с сознанием своего превосходства заключил Магомет.

– Конечно, – сказал Смит, знавший, что никакими деньгами не заставишь египтян после заката солнца раскапывать могилы. – Отпусти их. А мы с тобой останемся и будем сторожить здесь до утра.

– Не могу, господин. Мне что-то нехорошо. Должно быть, лихорадку схватил. Пойду в лагерь – надо будет хорошенько укрыться на ночь.

– Хорошо. Ступай, но если среди вас найдется храбрец, пусть он принесет мне мое теплое пальто, чего-нибудь поесть и вина, да еще фонарь, который висит в моей палатке. Я буду ждать его здесь, в долине.

Магомет, хотя и не очень уверенно, пообещал все исполнить, одновременно пытаясь убедить Смита, чтобы он лучше шел вместе с ними, а то, чего доброго, его обидят ночью духи, но видя, что это ему не удастся, сам поспешил убраться подобру-поздорову.

Смит закурил трубку, уселся на песок и стал ждать. Через полчаса до него донеслось пение и сквозь густую тьму засветились огоньки в долине.

«Это мои храбрецы», – подумал он и пошел им навстречу.

Он не ошибся. Это были его рабочие – целых двадцать человек – в меньшем количестве они не решились предстать перед духами, по их мнению, бродящими ночью в этой долине. Когда свет фонаря, который нес один из рабочих, – не Магомет, тот, по его словам, так разнемогся, что не в силах был прийти, – озарил белую фигуру Смита, рабочий выронил фонарь, и с криком испуга вся доблестная компания обратилась в бегство.

– Сыны трусов! – рявкнул Смит им вдогонку на чистейшем арабском языке. – Это я, ваш господин, а не ифрит.

Услышав его голос, они не сразу, робея, но все же вернулись. И тут Смит заметил, что каждый из них что-нибудь нес, – это для того, чтобы оправдать то, что их много. У одного в руках был хлеб, у другого фонарь, у третьего коробка сардин, у четвертого консервный нож; у кого-то спички, бутылка пива. Двое бережно несли в руках пальто Смита, причем, один держал его рукава, а другой – полы.

– Положите все это, – приказал Смит. – А теперь удирайте, и живее. Если не ошибаюсь, я только что слышал беседу двух ифритов о том, что они сделают с последователями Пророка, осмелившимися издеваться над своими богами, если встретят их в этом священном месте ночью.

Этот дружеский совет был исполнен мгновенно. Через минуту Смит остался один на один со звездами и готовым, наконец, успокоиться ветром пустыни.

Собрав свои пожитки или, по крайней мере, то, что могло пригодиться ему, он рассовал их по карманам и вернулся ко входу в могилу. Здесь он при свете фонаря поужинал и улегся, надеясь уснуть. Но уснуть не мог. Каждую минуту что-то будило его – то вой шакала между скал, то еще что-нибудь. Один раз песочная муха так больно укусила его в ногу, что он подумал, уж не скорпион ли это. Несмотря на теплое пальто, он чувствовал озноб, так как нижнее его платье и белье намокли от пота; он подумал, что так нетрудно простудиться или схватить злокачественную лихорадку, поднялся и начал ходить, чтобы согреться.

Тем временем взошла луна и озарила все детали этой странной унылой картины. Тайны Египта бередили душу Смита. Сколько когда-то живших царей и цариц похоронено в том холме, который он попирает ногами! И вправду ли лежат они в могиле или же бродят призраками по ночам, как говорят феллахи? Не могут найти себе успокоения и обходят страну, где некогда они властвовали. Религия египтян учит, что Ка, или двойник наш, вечно бродит в тех местах, где погребено наше тело. И если вдуматься, то в этих суевериях отыщется нечто такое, во что трудно не верить и христианину. Ведь верим же в Искусителя и в воскресение мертвых. И разве сам он, Смит, не написал брошюру о некотором сходстве с христианством религии древних египтян – брошюру, которую он собирается опубликовать под псевдонимом? Но об этом ему было как-то жутко думать в эту минуту – ведь как-никак он – осквернитель могил.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Корона из золотых змей, надевавшаяся царями древнего Египта.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/genri-haggard/sud-faraonov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)